

Ментальные особенности средневековых японских самураев

Мы, как люди, более относящиеся по складу ума к западной цивилизации и культуре, привыкли все, находящееся вокруг нас, а также внутри нас, анализировать. Не обойтись без определенного анализа и при изучении ментальных особенностей средневековых японских самураев. Само собой, что при этом нужно отчетливо осознавать то, что во многом, изучая данную культурную парадигму, мы делаем проекции со стороны своей собственной культуры. Сама методология данного исследования напрямую свидетельствует об этом; и, тем не менее, доля некоторой объективности вполне возможна. Изучив множество источников по истории и теории японской культуры, можно выделить следующие характерные черты и особенности средневековых японских воителей, оказавших влияние и на других представителей своего социума:

1) Синтетичность мышления, мировосприятия. С этим связаны стремление к гармонии, восприятие души и тела как неразрывного единства. Эта особенность затрагивает и взаимное дополнение боевых искусств и каллиграфии, техник тела и чайной церемонии, войны и мира, любви и ненависти, жестокости и сострадания и т.д. Данную особенность замечательно иллюстрирует всем известный символ «Инь-Ян», почерпнутый из китайского даосизма. Он свидетельствует именно о стремлении к гармонии между, казалось бы, разнородными, но, вместе с тем, имеющими некие общие элементы, началами. Средневековые самураи (или – более любимый ими самими термин – буси) стремились к гармонии на всех уровнях жизни, включая и взаимоотношения мужчины и женщины в семье. Несмотря на традиционные патриархальные установки, ценность женщины никогда не подвергалась сомнению; ее значимость для семьи была, по существу, не меньше значимости воина, стоявшего во главе «ячейки общества». О благородном, высоком отношении к жене повествует, например, Дайдодзи Юдзан Шигесуке – один из тех немногих людей, которые предпринимали попытки систематизировать разрозненные моральные нормы в некий кодекс, как упорядоченное единство элементов, причем единство, опять же, гармоничное.

2) Максимализм. Установки «всё или ничего», «со щитом или на щите». Отсюда проистекает, например, ритуал вспарывания живота в момент поражения, с целью избежать позора и не сдаваться в плен. Здесь же берет свои истоки и принцип воинов, впоследствии четко запечатленный в контактом каратэ: «Иккэн хиссацу» – наповал одним ударом, или до наступления смерти. Если воин поднимает меч, то обратной дороги уже нет. Соответственно, необходимо четкое осознание того, что делаешь, а также осознание всех последствий своего поступка. Кроме того, когда буси (воин) задавался целью овладения боевыми искусствами (мастерство меча, стрельба из лука, искусство рукопашной борьбы и т.д.), то он стремился стать не просто хорошим воином, квалифицированным мастером, но мастером совершенным, слиться со своим делом настолько, что его личность и, например, такое основное орудие, как катана (двуручный клинок), начинали являть собой единое целое.

3) Способность к самоотречению. Этому способствовали основные моменты буддийского учения о реинкарнациях. Чем более достойно уходил из жизни самурай (а наиболее желаемым для них вариантом было погибнуть в бою, в расцвете сил, мастерства и мужества, а не в старости и немощности), тем более достойное перерождение его ждало в следующей жизни. К тому же, помимо выработки бесстрашия перед лицом смерти под влиянием религиозных элементов, был и другой момент: воин не ощущал себя воином до тех пор, пока не приложил максимум усилий для достижения своей цели, пока не реализовал свою воинскую сущность. Такому ходу событий способствовал и упомянутый выше самурайский максимализм. Жить «вполнакала», «спустя рукава», с точки зрения средневековых японских воинов и их более поздних преемников, – это не жить, а существовать.

4) Чувство собственного достоинства. Полноценная жизнь и жалкое существование четко разводились в глазах буси; жалость вообще считалась одной из причин для позора. Это наложило отпечаток и на последующее развитие всей японской культуры; представления об уважении и самоуважении, о чувстве вины и чувстве долга, о достоинстве настолько тесно переплелись в сознании самураев и их потомков, что на данный момент их очень проблематично отделить друг от друга, если только предпринять анализ на сугубо теоретическом, абстрактном уровне. Предложить нуждающемуся в чем-либо человеку руку помощи, если он сам не попросил этого ранее, считается проявлением неуважения к нему. Самураи и современные японцы, как наследники их традиционной культуры, обращались и обращаются за поддержкой к кому-либо только в самых крайних случаях, тогда, когда деваться уже некуда и человек исчерпал все свои возможности и разумные варианты действий.

5) Стремление к Абсолюту. Черта, также связанная с максимализмом. Ситуация «и не друг, и не враг, а так...» в данном социокультурном контексте недопустима. Например, друзей воители-самураи выбирали по критериям верности, преданности и профессионализма. Человек недисциплинированный, халатный, лживый и т.д. считался недостойным дружбы; тем более,

что буси, склонные к постоянному самосовершенствованию, старались заручиться дружбой именно тех людей, от которых можно было бы научиться чему-либо полезному, то есть дружбой людей более опытных и умелых, чем они сами, или, во всяком случае, предполагался взаимный обмен опытом, касающимся тех умений, которых не хватало у одного и было в достатке у другого. Что касается непосредственного ведения боя, то там обозначенное нами стремление к Абсолюту выражалось в доминировании установки: лучше умереть с честью, чем жить с позором. Славная смерть в бою, запечатленная в глазах других уважаемых людей, была дороже любых материальных драгоценностей. Благодаря ей воин накрепко входил в историю своего рода, семья этого героя получала немалые материальные и моральные компенсации со стороны правящих элит или его непосредственного господина, а имя его обрасталало со временем легендами.

6) Нормативность, нормированность поведения. Оформлению и закреплению данной особенности способствовали постоянные «пограничные» ситуации, специфика воинской деятельности, находящейся на грани жизни и смерти. Для того, чтобы ведение войны не превратилось в беспорядочный хаос, в стихийное бедствие, людям необходимо было выработать определенную систему регламентации поведения. Перед поединком каждый из противоборствующих воинов во всеуслышание заявлял свое имя, титул и по возможности краткую родословную. На нормативную сторону самурайской культуры наложили свой непосредственный отпечаток, например, установки конфуцианства. Налиествовала сила традиции, существовала изрядная доля скепсиса по отношению к инновациям. Однако, с другой стороны, вышеупомянутый буддизм (главным образом, направление дзэн) проповедовал именно

7) гибкость мышления; а это уже предполагало способность адаптироваться к любой возникшей ситуации социокультурного порядка. Хотя при этом важно подчеркнуть, что изменения, определенного рода модернизации затрагивали, как правило, внешние формы того или иного феномена, а не его сущности. Сущность японской культуры оставалась неизменной на протяжении многих веков и деятельности многих поколений. Неизменным мог оставаться тот же самый дзэн-буддизм, проповедовавший необходимость изменений. Несмотря на то, что японские самураи многие годы и века были верными приверженцами своих культурных традиций, это не ничуть мешало наиболее продвинутым их представителям эти самые культурные традиции обогащать притоком информации извне. Гибкость мышления представителей самурайской культуры проявлялась еще и в том, что у них была в наличии установка на универсальное, всестороннее развитие человека. Боевые искусства подразумевали не только активную технику рук, как, например, в европейском боксе, но и ног, и других частей тела, вплоть до ударной техники головы. Человек должен был владеть и пользоваться (= извлекать из этого пользу) всем, что у него имелось в наличии. Развивались все органы тела, совершенствовалась и взаимосвязь тела и души. Овладение, к примеру, навыками рукопашного боя испокон веков включало у японцев не только техническую сторону ударов-блоков, захватов и т.д., но и медитативные практики, оптимизирующие силы организма перед боевым постижением искусства и расслабляющие организм после оногo. Необходимо используются и по сей день чередования боевых действий и дыхательных упражнений, что помогает быстро восстанавливать силы и получать еще и огромный оздоровительный эффект (дыхание воспринимается как работа с духом, с волей личности). Это –кардинальное отличие от европейского спорта, который загружает человека непосильной безостановочной программой, так же, как неопытный водитель начинает рассекать на всех скоростях на новеньком автомобиле без предварительной постепенной «юбгонки», что приводит к быстрому разрушению последнего. Исходя из этого,

8) мало кто из представителей европейского спорта продолжает им заниматься до старости: организм уже не выдерживает таких нагрузок да и навыки уже не те. В то же самое время мастера японских боевых искусств продолжают заниматься ими, вплоть до самой своей смерти, подавая тем самым и личный позитивный пример для молодежи не только на словах, но и на деле.

9) Выработка безостановочного мышления, воспитания сознания, лишённого стопоров. Это –очень важная практика для каждого человека и для самурая в том числе, которому порою приходилось сражаться с несколькими противниками одновременно. Малейший стопор сознания, остановка мышления на каком-либо одном противнике грозила потерей жизни, поражением со стороны других атакующих. С другой стороны, мышление, подобное непрерывно льющейся реке, обеспечивает людям наибольшую конкурентоспособность во всех сферах жизни без исключения, способность к психофизиологической регенерации. Японцы никогда не гнушались учиться чему-либо новому (разумеется, не отрываясь при этом от своих исконных корней). Знаменитый афоризм о том, что для того, чтобы наполнить себя новыми знаниями, новым пониманием, необходимо прежде опустошить свою чашу сознания, избавиться от стереотипов и «зжатостей» мышления, как нельзя лучше подчеркивает эту ментальную особенность.

10) Выработка практической философии. Философия –как «любовь к мудрости» подразумевает на Западе очень многое. Это –и онтологические, и гносеологические аспекты, и аксиология, и этика, и эстетика, и социальные аспекты. Многое в западноевропейской философии имеет сугубо умозрительные корни и последствия, на практике не применимые вообще. Может даже возникнуть мысль о том, что быть философом и быть мудрецом как таковым – это «две большие разницы», ибо любить мудрость может и последний идиот, а вот руководствоваться ею в своей реальной жизни способен далеко не каждый. Дальний Восток – и в частности, Япония – нацелен именно на достижение практического результата, в связи с чем некоторые исследователи могут ставить вопрос ребром и говорить о том, что философии-то как таковой на Востоке и не было, а, скорее, правомернее говорить о так называемой «восточной мудрости». Так или иначе, но отказать этой самой мудрости в любви со стороны японских самураев тоже не представляется возможным. Исходя из этого, следует говорить все же о восточной ФИЛОСОФИИ, но философии специфической, имеющей свои нюансы и тонкости, отличающейся в Японии самобытностью и практичностью.

11) Дисциплинированность. Японцы изначально (еще до полного своего оформления, как самостоятельной нации) были вынуждены интенсивно бороться за свое выживание в той природно-географической среде, в которой они начали развиваться по факту пришествия на острова и культурной ассимиляции с аборигенами. Территориальная зжатость со стороны моря, ограниченность природных ресурсов подвигали людей на все новые и новые сражения. Находясь в состоянии перманентной повышенной боеготовности, японцы так или иначе сталкивались с необходимостью выработать определенные каноны дисциплины и самодисциплины; иначе выжить было нельзя.

12) Четкое следование субординации. Человек, находящийся на ступенях социальной лестницы выше других, пользовался непререкаемым авторитетом; причем не только в силу каких-либо символических моментов, как на Западе, где одно имя и название титула должны были в идеале приводить подчиненных в трепет, а именно в силу практических особенностей данной субординации. Каждый сёгун (верховный военачальник и фактически глава государства в определенные периоды японской истории), даймё (ладетельные князья, если проводить приблизительный знак равенства с западноевропейским государственным устройством) умели обращаться с мечом и копьем, с луком и стрелами ничуть не хуже, а зачастую и лучше рядовых воинов. Авторитет всегда доказывался на деле; это можно до сих увидеть в секциях современного контактного каратэ, где сэнсей никогда не гнушается и не избегает поединков со своими подопечными, прекрасно сознавая, что авторитет – это вещь практическая и обновляемая (так же, как и опыт, ее закрепляющий), а не незыблемый гранит (хотя и гранит со временем может подточить вода...).

13) Активность, целеустремленность. Один из факторов этой характерной особенности мышления и поведения японцев был уже назван выше – это жесткие природно-географические и климатические условия. С другой стороны, активность, инициативность каждого отдельного самурая подстегивались, помимо целей выживания и идеалов самосовершенствования, настойчивым стремлением стать лучше других, превзойти других, доказать, опять же, абсолютный уровень своего мастерства. Несмотря на коллективистское сознание, на общинные интересы, на доминирование государственной идеологии над индивидуальным независимым сознанием, Эго каждого японца, причастного к воинской профессии, на протяжении многих веков нуждалось в своем удовлетворении. Да и сами представители правящих элит Японии совсем не чурались обращаться к воздействию на самолюбие своих воинов посредством апелляции к традиционным самурайским образцам поведения, например, в период Второй мировой войны. Всем известные камикадзе пытались, в первую очередь, доказать именно то, что каждый из них – «лучший в Японии», лучший по критериям мужества, мастерства, самоотверженности и патриотизма.

Все вышеперечисленные черты и особенности менталитета средневековых японских воинов отражают лишь наиболее основные характеристики и моменты. На самом деле, их гораздо больше; однако, без изучения данных первооснов познание нюансов и тонкостей культуры буси попросту невозможно. Культурные особенности формирования и развития ментальности самураев оказали немаловажное влияние и на представителей других сословий и поколений, не оказались они потерянными и по сей день.

© Максим Гуреев

[Японские куклы хотят видеть вас!](#) - Japanese Dolls: сайт о Японии, стране и людях